

СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В НАРРАТИВНОМ ИНТЕРВЬЮ

В статье представлены рассуждения автора по проявлению субъективности в нарративном интервью на основе трех основных подходов: позитивистского, конструктивистского и деятельностного. Рассматривается роль субъективности в получении знания методом нарративного интервью.

Ключевые слова: нарратив, субъективность исследователя, качественное исследование, жизненный мир.

Качество социологического исследования оценивается по критерию объективности/субъективности. Традиционно считается, что объективное исследование может считаться надежным, валидным и достоверным. В анализе данных или при сборе информации исследователь должен быть абстрагированным от изучаемого объекта, чтобы не внести в собираемые данные свое мировоззрение, систему ценностей и т.п., иначе собранная информация, помимо данных об объекте, будет искажена призмой личностного восприятия исследователя, а значит, она не будет являться достоверной. Особенно это касается качественных исследований, так как в них личность исследователя имеет сильное воздействие.

В социологии выделяются три подхода к пониманию субъективности в эмпирическом исследовании [4, С. 2-7]: позитивистский, конструктивистский и деятельностный.

В первом подходе исследователь представляется абстрактным гносеологическим субъектом, лишенным чувств и эмоций. Все его накопленные за период жизни знания никак не должны искажать исследуемую реальность. Субъективность понимается как «информационный шум», искажающий изучаемую действительность. Предполагается существование некой объективной истины, которую можно познать, исключив субъективность исследователя. На методическом уровне требование объективности проявляется в минимизации «эффекта интервьюера». Интерпретация данных так же не должны быть «тронута» личностью исследователя, для чего применяются методы статистической обработки информации. В качественном исследовании для объективизма в анализе используется метод grounded theory.

Конструктивистский подход не пытается «изгнать» субъективность, а использовать ее как способ понимания смысла поступков изучаемых людей, что возвращает нас во времена Вебера с его понимающей социологией. Знание в данном подходе принимается относительным, что подразумевает отсутствие объективной истины. Каждый индивид имеет свой жизненный мир, однако это не означает, что люди не могут между собой взаимодействовать. Находить общее позволяет интересубъективная реальность, конституируемая самими индивидами в процессе интеракции. В интересубъективности создаются общие смыслы, постоянно изменяющиеся вследствие взаимодействия индивидов.

Информанты не обладают истиной в последней инстанции. Они воспринимают мир в рамках «биографически детерминированной ситуации», говоря терминологией А. Шюца. Поэтому у индивидов свои ценности и мировоззрение. Отстраненность исследователя при сборе данных не позволит раскрыть информанта, ибо последний будет «вещать» так, «как это было бы приемлемо для нормированного публичного дискурса» [4, С 126]. Только личностное включение исследователя, проявляющего симпатию и сочувствие, поможет собеседнику открыться и получить необходимую информацию.

Деятельностный подход постулирует, что «социальная и физическая реальность существуют независимо» [4, С. 127], т.е. в отличие от конструктивистского подхода, реальность не создается индивидами и существуют независимо от них.

На этапе сбора информации субъективность исследователя важна. Только его личное вмешательство, погружение в гущу событий позволит расширить познавательные возможности. Исследователь не только пытается понять и изучить социальную ситуацию, но и изменить ее [2, С. 123]. Он словно «увлекает» за собой информанта, включая его в необходимый для исследования социальный процесс, но при этом анализирует его отстраненно. Информант находится в изучаемом поле и, следовательно, смотрит на все «изнутри», но для анализа важен и взгляд «извне». Поэтому исследователь должен уметь находиться в двух позициях, чтобы подстроить ситуацию под исследование и суметь проанализировать ее. Деятельностный подход обычно используется в «исследовании действием» (action-research (AR)), поэтому в данной статье его проявления в нарративном интервью мы рассматривать не станем.

В концепции нарративного интервью субъективность исследователя не вмещается в рамки одного подхода. Рассмотрим ее проявления на двух этапах: сбор данных и анализ нарративов.

Процесс интервьюирования проходит в три этапа. Сначала исследователь получает развернутое жизнеописание от информанта в форме рассказа. На втором этапе уточняются некоторые детали, недосказанности, смысл высказываний. На последнем происходит оценка прошлого с позиции настоящего, чтобы получившийся рассказ имел завершенность.

Больше всего нас интересует этап создания рассказа. Здесь нет привычного тематического гайда. Рассказ создается полностью информантом, и исследователь не должен направлять его, а лишь побуждать рассказывать дальше. Практически невозможно включить все события прошлого в жизнеописание. Поэтому информантом производится отбор событий, которые строятся в последовательную цепь. Отбор не носит случайного характера – он обусловлен обстановкой, жизненной позицией информанта на данный момент, взаимодействием со слушателем или воображаемой аудиторией [3, С. 327.]. Рассказ создается из существующих в обществе «моделей организации и интерпретации биографического опыта и конкретных значимых событий биографии человека» [3, С. 327]. В ходе повествования данные модели переосмысляются информантом, поэтому «смысловая ткань рассказа постоянно меняется и утверждается заново в “потоке жизни”» [3, С. 327].

Этот тонкий процесс не должен быть нарушен субъективностью исследователя, но в то же время именно ею он и побуждается. Процесс повествования должен быть направлен на слушателя, иначе рассказ не состоится. Можно сказать, что жизнеописание создается не только информантом, но и исследователем, несмотря на то, что последний принимает косвенное участие: слушает информанта и побуждает его рассказывать дальше. Исследователь должен уметь минимально вмешиваться в повествование для снижения «эффекта интервьюера» (критерий недирективности). Но стоит учитывать, что радикальное невмешательство может вызвать серьезные искажения (информант, плохо осознает, о чем его спрашивают, а интервьюер не понимает, о чем говорит информант [1, С. 30]). Помимо этого существует также категория референтности, которая предполагает знание жизненного мира информанта, в данном случае, контекста событий, о которых ведется рассказ, чтобы быть уверенным в обоюдном понимании.

После сбора информации идет нарративный анализ – самая трудоемкая часть концепции нарративного интервью. Объектом анализа является сам нарратив. Рассматривается главным образом то, как рассказана история, т.е. «формы рассуждения об опыте, а не просто содержание» [5, С. 42].

Интерпретация на данном этапе неизбежна, т.к. нарративы представляют собой не просто набор фактов и информации. В них структурирован опыт восприятия, то, как организована память и как строится каждое в жизни событие. Часто личная информация «переплетается с более широким контекстом жизненного опыта» [5, С. 42]. Интерпретатор становится философом, что требует включения субъективности. Глубинные смыслы поведения индивида мы полностью понять не можем, хотя иной раз способны постигнуть их интеллектуально. Общие с информантом ценности, мировоззрение могут помочь

исследователю вчувствоваться, сопереживать герою нарратива и глубже понять его мотивы. Если у исследователя и рассказчика нет ничего общего, то мы довольствуемся интеллектуальным истолкованием.

Однако позитивистский подход все же проявляется в анализе нарративов. Чтобы минимизировать субъективность исследователя, используется процедура открытого кодирования, разработанная А. Строссом в рамках grounded theory (GT). В GT «постулируется необходимость кодирования полученной информации с помощью группы. При этом побеждает тот смысл анализируемого слова или фрагмента текста, который разделяют большинство членов группы» [2, С. 123]. Данная триангуляция направлена на то, чтобы уменьшить влияние субъективности одного исследователя.

Как мы видим, в нарративном интервью субъективность не является явлением, искажающим данные, а даже наоборот, способствующим расширению исследовательских возможностей. Конструктивистский подход проявляется в процессе интервьюирования, в котором субъективность исследователя побуждает информанта к рассказу, и в нарративном анализе, где данный подход способствует к более глубокой интерпретации. Позитивистский подход выражен в анализе нарративов методом grounded theory. Чтобы контролировать исследовательский процесс в концепции нарративного интервью, необходимо уметь «лабиринтировать» между двумя подходами, что превращает исследование в целое искусство, в котором многое зависит от компетентности исследователя.

Список литературы

1. Веселкова, Н.В. Методические принципы полуформализованного интервью / Н.В. Веселкова // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). - 1995. - № 5-6. - С. 28-48.
2. Готлиб, А.С. Субъективность исследователя в социологическом исследовании: парадигмальные различия / А.С. Готлиб // Вестник СамГУ. - 2012. - №5. - С. 120-125.
3. Розенталь, Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью / Г. Розенталь // Хрестоматия по устной истории. - СПб.: ЕУСПб, 2003. - С. 322-356.
4. Сабинская, О.Б. Субъективность в качественном исследовании: новые подходы / О.Б. Сабинская // СоцИс. - 2007. - №10. - С. 122-131.
5. Ярская-Смирнова Е.В. Нарративный анализ в социологии / Е.В. Ярская-Смирнова // Социологический журнал. - 1997. - №3. - С. 38-61.

D.A. Radostev

THE SUBJECTIVITY OF THE RESEARCHER IN NARRATIVE INTERVIEW

The article presents the author's reasoning for display of subjectivity in the narrative interview based on the three basic approaches: positivist, constructivist and activity. Examines the role subjectivity in getting knowledge of by the method narrative interview.

Key words: narrative, subjectivity of the researcher, qualitative research, lifeworld.